

Отзыв

на диссертацию Андрея Сергеевича Ряжева «Политика Российской империи по отношению к религиозным меньшинствам на Юге и Юго-Востоке в XVIII в. (старообрядцы, мусульмане, католики)», представленной на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.1. – Отечественная история (исторические науки).

Актуальность темы диссертационного исследования А. С. Ряжева, посвященного формированию и реализации в XVIII веке политики Российской империи в сфере религии, сомнений не вызывает, поскольку это одна из проблем, которые, казалось, были решены, но затем актуализированы современной общественно-политической практикой и потребовали в новых условиях оригинальных подходов и решений. Поскольку «новое – это хорошо забытое старое», в последнее время государственно-религиозные отношения в России, частью которых является заявленная тема диссертационного исследования, активно разрабатываются.

Композиция работы соответствует требованиям, предъявляемым к диссертационным исследованиям, но не отличается стройностью: в главе 1 – 3 параграфа, во 2-5, в 3-2, в 4-2, в 5-вновь 5. Видимо, структуру работы нужно было бы продумать, так как содержание глав получилось неравнозначным.

Помимо этого, первая глава включает в себя параграфы об источниках, историографии и методологии, которые расширяют и конкретизируют соответствующие разделы введения. Хотя в прошлом автор этого отзыва в своей докторской диссертации таким же образом провел анализ литературы и источников, следует признать, что такое изложение материала приводит к некоторому дублированию в оценках степени разработанности темы и ее фундированности источниками.

Историографическая часть диссертации производит сильное впечатление (с. 16–64). В ней дан глубокий анализ трудов по истории

конфессий, указанных в диссертации, причём как в России, так и на сопредельных территориях, находившихся под властью соседних государств или определённых центров власти. Исследователи (историки, религиоведы, юристы и др. гуманитарии), как показал автор диссертации, подняли и решили отдельные вопросы темы исследования на материалах различных регионов страны, конфессий, отдельных царствований, создали ряд специальных и обобщающих работ. В центре внимания российских специалистов, как справедливо заметил автор диссертации в параграфе по историографии, оказалась в основном тематика XIX-XX вв., зарубежных – XVIII в. Причем, иностранные коллеги анализируют тему в основном по источникам личного происхождения. Такая степень разработанности темы делает анализируемое исследование весьма актуальным (с. 8, 9, 16–64).

К сожалению, А. С. Ряжеву остались неизвестными работы волгоградских историков: капитальное исследование А. В. Курышева, посвященной истории Волжского казачьего войска, и А. Л. Клейтмана о епископе Якове (Вечеркове) и его сочинениях. В работе имеется спорное утверждение, что С. М. Соловьев был позитивистом (с. 28), хотя сам историк всегда подчеркивал, что он гегельянец¹.

Глубокий анализ многоязычной литературы помог А. С. Ряжеву выявить целый комплекс нерешенных проблем исследуемой темы и достаточно четко и аргументированно сформулировал *объект, предмет, цель и задачи исследования* (с. 5-7). Выбранные исследователем *территориальные рамки и хронологические границы* хорошо обоснованы и никаких сомнений не вызывают (с. 7). Андрей Сергеевич рассматривает государственную политику в отношении трёх конфессий – старообрядчества, ислама (в основном суннитского толка), католицизма, представители которых составляли в России изучаемого времени крупнейшие и разные по численности и социальному положению группы населения. Выбор автором

¹ Соловьев С.М. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других // Соловьев С.М. Избранные труды. Записки. – М., 1983. С. 268–269.

указанных вероучений не случаен и возражений не вызывает: следует согласиться с тем, что на юге России в изучаемое время именно меры в отношении староверов, мусульман, католиков занимали наибольшее внимание властей по сравнению с носителями других религий и религиозных деноминаций. При этом следует повторить, что подход автора не сводится к исследованию юридического и фактического статуса трёх избранных конфессий, а носит значительно более широкий характер: фактически им выявлена и изучена система мер верховной власти в отношении религии и представлен её детальный анализ.

Андрею Сергеевичу удалось сформировать богатую и репрезентативную *источниковую базу* исследования, львиную долю которой составляют неопубликованные материалы из шести архивов, в том числе четырёх федеральных (с. 54–60). Автора отличают хорошие эвристические навыки и глубина источниковедческого анализа. Наряду с профессионально выполненным обзором источников, помещенном в специальном разделе, в главах работы присутствуют наблюдения и выкладки источниковедческого характера, убеждающие в обоснованности авторских положений и выводов.

Будучи профессиональным археографом, автор диссертации не только свободно ориентируется в публикациях документального и законодательного материала XVIII–XXI вв., отечественных и зарубежных (на нескольких языках с. 60–64), но и вводит в научный оборот значительный массив ранее неизвестного архивного материала по исследуемой теме. В центре его внимания находятся законодательные и делопроизводственные источники, описанию которых в разделе источники уделено много внимания. Источникам же личного происхождения посвящен лишь один абзац и упоминается лишь один источник – дневник Храповицкого, что вызывает явное недоумение. Переписка государственных деятелей почему-то отнесена к делопроизводственной документации, а не к источникам личного происхождения, что, на наш взгляд, весьма спорно.

Оправданной представляется выбранная автором *методология исследования*, подразумевающая обращение к истории империй. Она адекватна, прежде всего, материалу источников и способствовала, как показывает заключительная часть исследования, плодотворной работе с ними. Кроме того, она оптимальна с точки зрения выбора автором методов исследования, как специальных научно-исторических, так и общенаучных.

Вторая глава диссертационного исследования посвящена анализу преемственности и разрыва между политикой петровского и екатерининского времени, нашедшей отражение в материалах российско-турецких и российско-крымских отношений. Петр Великий, как хорошо известно, реализуя задуманные проекты, не считался ни с людскими, ни с материальными ресурсами. Его попытка в самом начале становления империи добиться решительного успеха на новом направлении внешней политики – борьбе за византийское наследство, как верно отметил А. С. Ряжев, привела к «Прутской катастрофе» и массовым исходам казаков и староверов с территорий казачьих войск в сопредельные Турцию и Речь Посполитую. В конце царствования Петра I, наряду с вопросами сохранения социального порядка для государства стала не только борьба со старообрядческим протестом в казачьей и, шире, простонародной среде, но и сохранения и восполнения утраченных людских ресурсов. Средством подобной борьбы, как показал А. С. Ряжев, поначалу явилось расширение казачьих контингентов на российской службе, заведомо чуждых старообрядчеству, за счёт крещеных калмыков, тюрок, украинских казаков и явилось одной из главных причин калмыцкого исхода в Джунгарию в 1771 г.

Главы третья и четвёртая характеризуют процесс смены веков. Сначала отдельные представители правящей элиты, такие как Татищев, Неплюев, пришли к осознанию необходимости отказа от политики бескомпромиссной борьбы с раскольниками и иноверцами путем насильственного насаждения православия и переходу к политике гибкой, вариативной интеграции – от привлечения на территорию России с предоставлением фактической

религиозной автономии до введения под управление огосударствленной православной церкви. Затем при Елизавете Петровне и особенно при Екатерине Великой, проникшейся идеями европейского просвещения, началось формирование российской имперской политики веротерпимости. В главах показано, как в политике государства находили решение проблемы, возникшие на заре Нового времени.

Особый интерес вызывает пятая глава диссертации. А. С. Ряжев демонстрирует, как борьба за византийское, польское наследство, движение государственных границ приводило к возникновению новых вопросов, требовавших новых методов решения. Подобные решения принимались Екатериной Великой и ее соратниками и воплощались в жизнь в процессе рецепции европеизма на основе опыта их использования в отношении разных религий и концессий. Активизация государства на западе способствовала возникновению католического вопроса в России, средством решения которого явилось создание крупнейшего правового памятника екатерининского времени, каким явился Католический регламент 1769 г. Он стал юридическим образцом для законодательного оформления взаимоотношений имперских властей в отношении других религиозных концессий и верований (с. 423–454). Сакральным центром имперских государственно-религиозных отношений для всех конфессий и религиозных верований стал император, радеющий о духовном и материальном благополучии своих подданных независимо от их веры и национальности. При императрице Екатерине II функционировали, были созданы или формировались во многом сходные органы духовного управления православными, католиками, мусульманами.

В разделе *«Научная новизна»* предложены достаточно полные и логичные ответы на сформулированные во введении задачи исследования.

В тезисах, выносимых на защиту автору удалось в сжатом виде изложить полученные результаты исследования. А. С. Ряжев показал влияние на позицию властей, центральных и региональных, не только внутренних

факторов, но и внешней ситуации, дипломатических расчётов России и властей соседних государств, международной обстановки в целом. В этом плане автор предлагает новое понимание прагматизма политического курса российской монархии в XVIII в. В предшествующей литературе, особенно зарубежной, о прагматической веротерпимости российских властей было сказано много, в том числе авторами, которых упоминает А. С. Ряжев (Н. Нольте, И. де Мадариага, с. 45–46). Однако историки связывали эту особенность политики российских властей в основном с хроническими явлениями российской истории – низкой (в сравнении с Европой) численностью населения, слабостью казны и т. д. Автор диссертации показывает, что не малую роль сыграло и зарубежное влияние – идеи европейского Просвещения. Вводимый Андреем Сергеевичем в научный оборот архивный материал свидетельствует, что российские власти умели учиться на ошибках других и использовали в качестве внешнеполитических ориентиров России опыт британских, австрийских, прусских властей, в частности, на отношения к католикам и протестантам, а затем переносили накопленный опыт на другие группы иноверческого населения на российских окраинах (с. 378–410).

В *заключении* автор подвел итог и дал ответ на главную цель своего исследования. Проанализировав влияние «духа времени» на шаги российских властей в отношении религии, А. С. Ряжев установил значительную роль европеизации в соответствующей российской политике и, как следствие, рецепции просветительских права и идеологии. Диссертант обозначает особенности подобной рецепции применительно к различным отрезкам XVIII столетия, подчёркивая на этом основании различия в конфессиональной политике отдельных монархов и предлагая убедительные объяснения того, почему указанные различия давали себя знать. В этом плане наиболее привлекательна трактовка сходства и различия курса Петра I и Екатерины II. А. С. Ряжев прав, когда подчёркивает преемственность екатерининской политики в том, что касалось отказа от узко конфессиональных приоритетов

и повышенное внимание к ситуации на юге. Он также прав, когда утверждает, что отнюдь не всё в наследии Петра I было приемлемо для его преемников в связи с утверждением в политике начал веротерпимости и широкой интеграции религиозных меньшинств на окраинах в систему государства (с. 41, 83–96).

Стиль изложения исследования сочетает научность, логичность и лаконичность, но не бесспорен. Суть споров по отдельным вопросам темы автор изложил и оценил преимущественно в первой главе в параграфе «Историография». В главах он в основном критически анализирует обширный источниковый материал и излагает полученные результаты как некий императив. Учитывая значительный массив вводимых в научный оборот источников, такой подход возможно и оправдан, но он не позволяет продемонстрировать в полной мере вклад Андрея Сергеевича в разработку данной темы.

Личный вклад: А. С. Ряжев на основе значительного массива законодательных и делопроизводственных документов критически осмыслил труды предшественников и выяснил как идеи «просвещения» усилиями российских властей были опробованы и реализованы в отношении отдельных конфессий и сведены воедино на протяжении раннего Нового времени, что позволило методом проб и ошибок выработать действенную политику веротерпимости и стабилизировать ситуацию на южном пограничье. Следует высоко оценить теоретическую и практическую значимость исследования. Диссертационное исследование является вкладом в теорию религиозной политики Нового времени, для становления светского государства и его правовой политики (с. 12). Она должна быть востребована в современной общественно-политической практике, так как эта политика нацелена на консолидацию общества и государства и отрицает принцип разделяй и властвуй.

Помимо заданных выше вопросов и пожеланий, считаем необходимым сделать несколько критических замечаний:

1. Представляется, что, определяя актуальность исследования Петровской эпохи и века Екатерины, автор должен был хотя бы в общих словах (буквально на 1-1,5 странички) ретроспективно охарактеризовать государственно-церковные отношения и конфессиональные вопросы в России XV–XVII вв. Так, вопрос о секуляризации церковных земель был впервые поднят при Иване III на рубеже XV-XVI вв., с чем было связано рождение русского богословия. О веротерпимости на Руси первым заговорил Лжедмитрий I и предпринял конкретные шаги в этом направлении. Первые годы правления Петра Великого (1687-1698) у власти находились Нарышкины и это было время глухой реакции и преследований староверов. Такой «зачин» из поставленных, но не решенных проблем в прошлом позволил бы более глубокой оценке масштаба происшедших перемен в Петровскую и Екатерининскую эпохи.

2. Львиная часть раздела «Методология и методы, используемые в исследовании» посвящена теории «просвещенного абсолютизма» (С. 64-78), что на наш взгляд целесообразнее было поместить в разделе историография, и только после этого автор диссертации формулирует собственно методологию и методы своего исследования (С. 79-81). Если уделять столько внимания «просвещенному абсолютизму», тогда целесообразно было бы в диссертации выделить отдельный параграф, где определиться и с другими терминами: «веротерпимость», «вероисповедная политика», «религиозная политика» и т. д.?

3. Полезно было бы в историографии отделить научную литературу от религиозных трактатов и публицистики. Конечно, практически все научные концепции так или иначе происходят из идей и оценок современников, но нельзя не видеть двойственности религиозных трактатов и публицистики - это одновременно и литература, и источники.

4. Анализируя политику российских властей на юге, А. С. Ряжев ограничился православными (староверы), католиками и мусульманами (сунитами) и исключил буддистов (калмыки), хотя по факту этой проблеме

посвящена значительная часть диссертации (с.108-120 и др.). Автор обошёл участие калмыков в событиях первой половины 1770-х гг. на юго-востоке государства, тогда как оно в значительной мере, влияло на религиозную политику монархии, и было бы не лишним проследить подобное влияние.

5. Аналогичное замечание можно сделать относительно немецких колонистов протестантов, приглашенных Екатериной Великой в Россию и расселенных в Поволжье. Тем более, что А. С. Ряжев посвящает этой проблеме значительную часть главы 5. Конечно, эта тема в последнее время активно разрабатывается в литературе, но не обязательно идти по «источниковой целине». Достаточно обобщить сделанное другими, что в конечном счете Андрей Сергеевич и сделал!

В разделе «*Практическая значимость диссертации*» А. С. Ряжев четко сформулировал научную, образовательную и, главное, общественно-политическую области применения полученных в исследовании результатов.

А. С. Ряжев *апробировал результаты своего исследования* в докладах на международных и всероссийских конференциях в Париже, Москве, Санкт-Петербурге, Самаре, Элисте. В 44 научных публикациях, среди которых 2 научные монографии и 10 публикаций статей в журналах Scopus, W&S и 11 – в журналах РАН и вузов России, включенных в перечень ВАК. Диссертационное исследование и все публикации имеют научный аппарат (ссылки на источники и литературу). Все публикации выполнены без соавторов.

Автореферат диссертации и научные публикации достаточно полно отражают содержание проведенного исследования.

Критические замечания и возникшие вопросы в тексте отзыва не снижают общего благоприятного впечатления от знакомства с диссертационным исследованием. А. С. Ряжеву удалось поставить и решить крупную научную проблему в изучении российского восемнадцатого столетия и создать значительное и качественное диссертационное сочинение, которое заслуживает положительной оценки.

Диссертация «Политика Российской империи по отношению к религиозным меньшинствам на Юге и Юго-востоке в XVIII в. (старообрядцы, мусульмане, католики)» полностью соответствует специальности 5.6.1. – Отечественная история и отвечает требованиям пунктов 9–14 «Положения о порядке присуждения учёных степеней», утверждённого Постановлением Правительства РФ № 842 от 24 сентября 2013 г. (редакция от 28.08.2017 г.).

Автор диссертации Андрей Сергеевич Ряжев достоин присуждения степени доктора исторических наук по специальности 5.6.1. – Отечественная история.

17.11.2021 г.

Тюменцев Игорь Олегович,

Доктор исторических наук по специальности

07.00.02 – Отечественная история,

Профессор кафедры государственного управления и менеджмента,
заведующий лабораторией регионального развития.

+7-961-074-99-90; tijumencev@mail.ru

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
Волгоградский институт управления
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
400131, г. Волгоград, ул. Гагарина 8.

Отзыв официального оппонента профессора И. О. Тюменцева заверяю,

Проректор по НИР

Ю.В. Брехова

Подпись официального оппонента И. О. Тюменцева заверяю,

Начальник отдела кадров

Е. Б. Выгинная

